

В том далёком, 1979 году, из-за плохой погоды полевой сезон закончился раньше обычного. Низкие, тяжёлые тучи заволокли всё небо, подул порывистый, колючий ветер, резко похолодало, морось повисла в воздухе, оседая на землю холодными каплями днём и мелкими ледяными иголками ночью. Прогноз погоды не предвещал ничего хорошего. Я отправила своих рабочих в Новосибирск для получения окончательного расчёта и на днях планировала вылететь сама. Неожиданно погода улучшилась, лёгкий тёплый ветерок разогнал все тучи, засияло яркое, ещё по-летнему жаркое солнце, вскоре всё подсохло. Ручьи и реки, вспухшие от обилия дождей, вернулись в свои русла, и было решено задержаться ещё на несколько дней для обследования истоков реки Чомбы, тем более что для этого сложились очень благоприятные обстоятельства. Как раз в тех местах последняя картировочная скважина достигла проектной глубины, и буровая бригада занималась демонтажем оборудования. Решив воспользоваться попутным рейсом, который вывозил из тайги оставшиеся отряды, я, собрав необходимое снаряжение, ранним утром уже стояла на лётном поле маленького аэродрома известного на весь мир посёлка Ванавара, в восьмидесяти километрах от которого упал знаменитый Тунгусский метеорит. Где-то через полчаса прилетел нужный мне МИ-4, незаменимый трудяга, не раз, выручавший нас в трудных ситуациях. Быстро погрузив необходимый груз, мы отправились в путь. В круглый иллюминатор вертолёта, летевшего не очень высоко, были хорошо видны таёжные пейзажи.

Водная гладь, отражая солнечные лучи, вспыхивала разными по цвету солнечными зайчиками, превращая всё в какую-то фантастическую картину. Сверху всегда кажется, что расстилающаяся внизу местность просто идеальное место для прогулок, но так могут думать только те, кто никогда не ходил по этим местам. Неприметные на вид гибельные, обманчивые топи, заросшие буйной, молодой растительностью старые гари, где, делая шаг, никогда не уверен, что будет и второй, ведь под ногой может оказаться и прогнивший ствол, и ненадёжное болотное оконце, скрытое травой и ветками. Между тем время летело незаметно, и вскоре вертолёт приземлился неподалёку от буровой на специально подготовленной для него площадке.

Буровики были мне рады, встречались мы не впервые и давно стали добрыми товарищами. Я всегда старалась выполнить все их маленькие просьбы: кому-то расчёску купить, кому-то зеркальце, кому-то послать телеграмму или письмо отправить и прочее, они радовались, как дети, и были очень благодарны за эту бескорыстную заботу. Радость была всеобщей ещё и потому, что благодаря моему приезду привезли и давно обещанную «тару под гидропробы в запечатанном виде», так в официальных разговорах по рации значилась обыкновенная водка. Буровики готовились отметить окончание полевого сезона.

Надо заметить, что основной состав буровых бригад в то время состоял из людей, которые по разным причинам не нашли себе место в советском социуме. Здесь были и те, кто страдал от алкогольной зависимости, и те, кто вышел из заключения, где отбывал срок за незначительное преступление и не смог никуда больше устроиться, были и те, кто просто поехал «за туманом и за запахом тайги», в общем, народ самый разный. Но здесь, вдали от цивилизации, среди перво-

зданной природы, с человека, как шелуха, слетает всё, что по тем или иным причинам мешало ему быть самим собой и раскрывается истинная его суть – какой он есть на самом деле. И, как правило, оказывается, что все они, очень неплохие люди. Бывало, что приедет какой-нибудь кадр с «гнильцой», но надолго его не хватает. Смотришь, через две-три недели, придумав какой-нибудь подходящий повод, возвращается он на базу, и уж больше его даже и в Красноярске, в отделе кадров экспедиции, на работу не возьмут.

На место мы прилетели ближе к обеду, и я, не теряя времени, стала готовиться к тому, чтобы на следующий день отправиться в двухдневный маршрут с ночлегом в зимовье, указанном на карте. Одной идти было нельзя по технике безопасности, пришлось попросить старшего бурового мастера выделить мне на несколько дней кого-нибудь из ребят. После недолгого раздумья в спутники мне определили Василия, работающего, немного шепутного, но надёжного парня. Надо сказать, что буровики всегда охотно ходят в маршруты с приезжающими к ним по разным причинам геологам, так как у последних всегда есть топооснова (детальная карта) на данный участок и компас, что позволяет уйти далеко от лагеря и не заблудиться, при этом ребята всегда старались запомнить какие-нибудь приметы, которыми можно потом воспользоваться как ориентирами во время охоты. Так как ночёвка планировалась в зимовье, идти решили налегке, взяв только продукты и пластиковые фляжки для отбора проб. Во время сборов друг Василия, Николай, всё ходил около меня и потихоньку ворчал: «Не ходи ты с этим Васькой, он бегаёт как лось, даже покурить никогда не присядет, умаешься ты с ним». Но решение было уже принято, и на другой день, сразу после завтрака, мы отправились в путь.

День выдался погожий, солнце пригревало по-летнему, идти по сухой тайге было легко, и часам к двум мы уже были у

зимовья, обозначенного на карте. Разведя небольшой костёр, вскипятили чай, пообедали, и я уже хотела осмотреть получше зимовьё для ночлега, но тут Василий начал возбуждённо говорить о том, что ещё рано и что нужно идти дальше, что можно ещё много пройти, пока начнёт темнеть.

Ну что ж, идти так идти. Быстро собрались и двинулись дальше. Ближе к вечеру подул ветерок, выбрали место для ночлега. Василий нарубил и натаскал достаточно дров, а я, поглядывая на потемневшие небо, попросила его сделать около костра навес из лапника, чтобы он немного прикрывал нас от ветра. С этим заданием Василий справился успешно. Натаскали под навес мягких пихтовых лапок, бросили на них кусок лёгкого тента, и место для ночлега было готово. И вовремя. Осенью в этих широтах темнеет очень быстро. Развели костёр, разогрели тушёнку, вскипятили чай, поужинали. Я, подбросив дров в огонь, села под навес и стала наносить на карту пройденный маршрут, а Василий всё бродил где-то поблизости. Ветерок с приходом ночи усилился и похолодало. Спать ещё не хотелось, и я, надев тёплый свитер и куртку с подстёжкой из натуральной овчины, сидела и, глядя в огонь, слушала, как шумит ветер в верхушках деревьев, и, вспоминая Бажовскую «Огневушку-Поскакушку», не заметила, как пошёл снег. Зато заметил это Василий. Бегая вокруг костра и размахивая руками, он восклицал: «Вот где нас зима-то застала!». На что я отвечала ему, что нужно было ночевать в зимовье, а теперь нечего бегать, только одежду намочишь, залазь под навес, будем утра ждать. Усевшись под навесом спина к спине (это наиболее удобная позиция у костра во время непогоды, так как тепло поступает с двух сторон, от костра и от спины товарища) и, меняясь, время от времени местами, кое-как дождались утра. Как только рассвело, стало понятно, что идти дальше нет никакого смысла. За ночь всё

покрылось сплошным слоем снега. Отбирать в этих условиях гидропробы нельзя, результаты анализов будут неверными. Решили возвращаться. С восходом солнца снег, обильно лежавший на земле и на ветках деревьев, стал активно таять. Ноги всё время скользили и разъезжались, а стоило задеть какую-нибудь ветку, как на тебя сразу обрушивался водопад из мокрого снега и холодной, ледяной воды. Мы быстро промокли насквозь с ног до головы, к тому же, упав неудачно, я, видимо, повредила связки на левой ноге, и теперь каждый шаг причинял пока ещё терпимую боль. Утешало только то, что к вечеру, скорей всего, должны были добраться до лагеря.

А новый день уже вступал в свои права. Небо совершенно очистилось от туч, весело сияло яркое солнце, а на земле творились настоящие чудеса: капельки воды искрились и переливались в солнечных лучах, срываясь с веток, они образовывали маленькие водопады, а кое-где мгновенные радуги, а деревья, освобождаясь от внезапных снежных оков, тихонько расправляли свои упругие ветки и облегчённо вздыхали. Проснувшиеся птицы удивлённо перекликались в ветвях. Обманутые уже наступившим после ночи теплом, лесные обитатели смело выбирались из своих ночных укрытий и, не сразу понимая, что на земле лежит снег, выбегали на простор, оставляя то тут, то там цепочки следов. До зимовья мы дошли довольно скоро, но на этот путь затратили значительно больше усилий, чем накануне. После короткого привала тронулись дальше. Идти становилось всё труднее, повреждённая нога болела уже очень сильно. До лагеря удалось добраться до наступления темноты, но последние полтора-два километра Василию пришлось практически тащить меня на себе, боль стала нестерпимой, и я совсем не могла идти самостоятельно. До сих пор с благодарностью вспоминаю этого простого парня, который не только не бросил меня, но и потом ни разу не напоминал мне об этом.